

ловѣба, не Писарева, была бы однимъ пустословіемъ. Онъ дивится людямъ, которые „роются въ пыли“ русской старины, догадывается только, что въ этомъ есть что-то нужное ¹⁾, но забываетъ или не думаетъ, что въ это самое время точно такъ же „рылся въ пыли“ Карамзинъ.

Подобное неясное отношеніе къ старинѣ и народности повторяется въ разсужденіяхъ Батюшкова о русскомъ языкѣ, литературномъ и народномъ. Онъ опять съ вѣрнымъ инстинктомъ чувствуетъ, что было фальшиваго, неизящнаго и даже противонароднаго въ стремленіяхъ Шишкова наполнить русскій книжный языкъ славянщиной. Въ 1816 году онъ пишетъ Гнѣдичу, по поводу разсужденія Каченовскаго о славянскихъ діалектахъ. „Я не критикъ, — говоритъ онъ, — я невѣжда, но, кажется, онъ рѣжетъ истину“. Каченовскій придерживался того мнѣнія, что біблія была переведена первоначально на сербское нарѣчіе, а „славянской“ языкъ вовсе исчезъ и, можетъ быть, чистый и не существовалъ, потому что „подъ именемъ славянъ мы разумѣли всѣ поколѣнія славенскія, говорившія разными нарѣчіями, весьма отличными одно отъ другого“. Батюшковъ радовался этой ученой новости. „Онъ разбудить славянофиловъ. Если правду говорить Каченовскій, то каковъ Шишковъ съ партіей! Они влюблены были въ Дульцинею, которая никогда не существовала. Варвары, они исказили языкъ нашъ славенщиною! Нѣтъ, никогда я не имѣлъ такой ненависти къ этому мандаринному, рабскому, татарско-славенскому языку, какъ теперь! Чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ нашъ, чѣмъ болѣе пишу и размышляю, тѣмъ болѣе удовольствіююсь, что языкъ нашъ не терпитъ славенизмовъ, что верхъ искусства — похищать древнія слова и давать имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ, котораго грамматика, синтаксисъ, однимъ словомъ, все — противно сербскому нарѣчію. Когда переведутъ священное писаніе на языкъ человѣческій? Дай Боже! Желаю этого!“ ²⁾

Опять инстинктъ Батюшкова былъ вѣренъ, потому что въ шишковскомъ языкѣ дѣйствительно было нѣчто „мандаринное“, какъ выражается Батюшковъ, нѣчто условно-казенное и въ концѣ концовъ даже противонародное; но несмотря на то, что Батюшковъ самъ много сдѣлалъ для усовершенствованія нашей литературной рѣчи, онъ еще не чувствовалъ всей силы, на какую способенъ русскій языкъ. По поводу своего итальянскаго

¹⁾ Напр., въ 1816 году въ письмѣ къ Гнѣдичу онъ отказывается напечатать „Видѣніе на берегахъ Леты“, между прочимъ, чтобы не огорчить Дмитрія Языкова, который „питается пылью“. Сочин. т. III, стр. 389.

²⁾ Т. III, стр. 409—410.